

кальной достоверности к летописи. Статья В. П. Аникина показывает, как важно бывает вновь обратиться к уже рассмотренным и оцененным работам фольклористов, чтобы на новом этапе науки выявить не только их место в историографии, но и сделать для себя выводы и извлечь уроки из противоречий и ошибок наших предшественников.

Статья А. И. Тарасовой (Васиной) «Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке» дает достаточно полную и верную характеристику исследовательского метода этого замечательного путешественника, ученого и писателя, объединившего в себе, по меткому определению М. Горького, Брема и Фенимора Купера. Для историка науки особенно важны указания автора на те труды В. К. Арсеньева, местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Это таинственная «папка 64», безусловно, связанная со «Страной Удэхэ», исчезнувшая из фонда В. К. Арсеньева после 1946 г., итоговая его работа «Памятники старины Уссурийского края», археологическая карта Дальнего Востока, «Классификация памятников старины в Уссурийском крае» и ряд других, более мелких работ.

Две статьи в настоящем сборнике посвящены значению трудов Н. И. Вавилова для этнографии и антропологии. В первой из них В. М. Суринов и Л. А. Фадеев дают характеристику работ Н. И. Вавилова, в которых показана творческая роль отдельных народов и древних цивилизаций в развитии мировой культуры земледелия. Авторы подробно рассказывают об организации Н. И. Вавиловым экспедиции в Африку (Эфиопию), о ходе экспедиции, о его наблюдениях и выводах, об их значении для разработки учения об историко-географических очагах развития культурной флоры. Материалы Н. И. Вавилова дают ценный материал для установления историко-этнографических связей народов, их культурных контактов и взаимовлияний.

В заключительной статье В. П. Алексеева раскрыто значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропологии. Увлеченно и горячо рассказывает автор об одном из крупнейших ученых XX в., чей вклад в развитие науки не оценен в полной мере до сих пор. Автор показывает значение трудов Н. И. Вавилова для современной теории очагов расообразования, для теории расоведения вообще. В статье убедительно раскрыто значение закона гомологических рядов в наследственной изменчивости для теоретической антропологии.

Сборник в целом хорошо отредактирован, хотя некоторые погрешности в этом плане все-таки есть. Так, при наличии «Списка условных обозначений» в конце книги совершенно не обязательно, на наш взгляд, в примечаниях к статье М. О. Косвена повторять эти же сокращения. Кроме того, эти примечания, как не принадлежащие М. О. Косвену, следовало бы выделить шрифтом, отличающимся от шрифта основного текста.

Выход этой книги в юбилейном для Академии наук году, отметившей четверть тысячелетия своего существования, — это лишнее свидетельство многогранности и многоплановости исторических и историографических исследований, ведущихся в Академии наук СССР. Рецензируемый сборник свидетельствует о том, что историографы русской антропологии, фольклористики и этнографии вплотную приступили к широкому освоению работ довоенного периода в истории советской науки. На очереди изучение богатейшего опыта работы советских фольклористов в годы Великой Отечественной войны, имеющего принципиальное значение для формирования советской фольклористики, а также фольклористики послевоенного периода. Пожеланием дальнейшего хронологического расширения историографических исследований, приближения их тематики к насущным задачам современности и хочется закончить эту рецензию.

Л. Н. Пушкирев

Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, 275 стр.

Судьбу новой книги Н. Г. Волковой предугадать нетрудно: вместе с предшествовавшей ей монографией¹ она на много лет станет настольной работой для кавказоведов самых различных профилей. Автор глубоко прав, отметив в первом же абзаце своего труда, что «определение этнических территорий и этнических границ народов, особенностей их расселения, несомненно, составляет как бы отправную точку любого историко-этнографического исследования» (стр. 5). Эта задача очень важна в связи с чрезвычайной этнической пестротой и чересполосицей Северного Кавказа — региона многонационального и в этом плане все еще слабо изученного.

Источниковедческая база рецензируемой книги весьма фундаментальна. Пристальному изучению и строгому сопоставлению подвергаются опубликованные, а частично и неизданные письменные документы XVI—XIX вв., вышедшие из-под пера русских, грузинских и турецких авторов, а также историко-этнографические описания, которыми так насыщена кавказоведческая литература XIX — начала XX в. Среди источников

¹ Н. Г. Волкова, Этнимы и племенные названия Северного Кавказа, М., 1973.

особо следует отметить редкие и оттого крайне ценные для локализации народов, племен и отдельных селений Северного Кавказа карты XVIII — начала XIX в., внимательно исследуемые автором. Результаты анализа названных данных коррелируются с массовым полевым материалом, добытым Н. Г. Волковой во время напряженных этнографических изысканий 1969—1972 гг. в различных районах Северного Кавказа. Все это вместе служит согласованию существующих уже в специальной литературе версий, но чаще воссозданию прежде неизвестных ракурсов этнической карты Северного Кавказа в исследуемую историческую эпоху.

В первой части книги автор реконструирует расселение народов Северного Кавказа в XVIII — 30-х годах XIX в. Здесь в специальных разделах определяются этнические территории и этнические границы западных адыгов (черкесов, адыгейцев), кабардинцев, абазин и убыхов, ногайцев, карачаевцев и балкарцев, осетин, вайнахов (чеченцев, ингушей, карабулаков). Хорошо аргументирован и убедителен вывод о незначительности этнической территории западных адыгов, о значительном внутреннем единстве адыгского этноса, «многоплеменность» которого, как правило, основывалась не на существенных этнических различиях, а скрывала под собою феодальные образования или географические понятия. Столь же обоснован вывод о характере изменений территорий, занятых кабардинцами на пространстве между Пятигорьем и устьем Сунжи, о перемещениях абазин, ногайцев и последующей оседлости их в черте современных этнических границ, о значительных изменениях этнических территорий карачаево-балкарского, осетинского и вайнахского населения в целом и локальных групп внутри него в указанный период. Особенно много внимания уделяет Н. Г. Волкова вопросу установления и изменения южных и северных границ каждого из названных этносов, что вполне обоснованно, так как тема эта очень важна и недостаточно разработана. В качестве примера бесспорной удачи автора можно привести скрупулезно выполненную систему доказательств сравнительно позднего (около середины XVIII в.) освоения вайнахами основных равнинных земель междуречья Сунжи и Терека, вопреки тенденции априорно или без достаточных оснований размещать тут вайнахов уже в XIII—XVII вв.² Заслуживают доверия данные Н. Г. Волковой о соотношении ингушского и осетинского населения в Дарьяльском ущелье. Очень интересны суждения о зонах и границах взаимных контактов между горскими северокавказскими этносами и их южными (горногрузинскими) соседями. Надо сказать, что для рецензируемой книги вообще характерны объективность и подлинно научная чуткость к установлению этнических границ конкретных народов и племен, особенно в районах долгого и постоянного взаимодействия их друг с другом.

Принципиально важно и то, что Н. Г. Волкова не ограничивает исследование лишь изучением коренных народов края с их множеством территориальных и племенных подразделений. В первой части книги присутствует и раздел, посвященный расселению на Северном Кавказе русских, украинцев, армян, грузин и других народов, основная область обитания которых лежит за пределами исследуемой территории. Автор рассматривает разнообразные контакты (экономические, культурные, этнические), в которые вступали новопоселенцы и коренные северо-кавказские народы.

Вторая часть книги посвящена этнической карте Северного Кавказа в 40-х годах XIX — начале XX в. Она дана более обзорно, без детализации, присущей первой части. Однако основные процессы, связанные с изменениями в расселении северокавказских народов в 40—60-е годы XIX в. (т. е. в годы так называемой Кавказской войны) и последующим массовым переселением значительной части коренных народов с гор на равнину, раскрыты достаточно полно. Именно поэтому последний раздел книги об этнической ситуации на Северном Кавказе накануне Октябрьской революции и заключительные суждения автора выглядят особенно убедительно: «Приводимые в работе данные опровергают представление, нередко существующее в исторической литературе, о многовековой стабильности этнических границ и территорий народов Северного Кавказа и доказывают большую изменчивость этих категорий. Эта важная особенность почти не дает, таким образом, исследователям возможности реконструкции этнических территорий и границ в более ранние эпохи на основании сведений источников более позднего времени» (стр. 248).

Безоговорочно высокая оценка труда Н. Г. Волковой не означает, однако, что по отдельным вопросам не могут быть высказаны замечания критического порядка. Так, утверждение автора, что западноадыгские племена хатукаевцев и натухайцев неизвестны в русских источниках ранее 70—80-х годов XVIII в. и вытекающие из этого выводы (стр. 22—26), не соответствуют истине, ибо названные этнические группы фигурируют в письменных документах и картографических материалах по крайней мере на полстолетия раньше³. Неточны данные о первых сведениях, касающихся об-

² Х. А. Хизриев, К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура, «Изд. Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ», т. IX, вып. I, ч. III, Грозный, 1974, стр. 4—11; Т. А. Исаева, К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в., там же, стр. 19—28.

³ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. № 2, лл. 37 об.—38; «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957, вклейка между страницами 388—389; т. II, М., 1957, стр. 5—8; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, Первая русская карта Северного Кавказа, «Вопросы истории», 1975, № 6.

ласти расселения карабулаков (орстхойцев) (стр. 163, 164). Кроме очевидных противоречий на этот счет в самом изложении, следует отметить, что о месте обитания и миграционной тенденции у карабулаков говорится в известном документе начала 40-х годов XVIII в., опубликованном М. О. Косвенем⁴. Проблематично и отождествление р. Бальсу с Фортангой, так как грузинская карта 1733 г. в сопоставлении с информацией Вахушти Багратиони и сообщениями Гюльденштедта. Клапрота (и, добавим, С. С. Броневского)⁵ не дает оснований для подобного заключения. Думается, что приметам Бальсу больше соответствует р. Гехи, истоки которой лежат по соседству с Фортангой в исконной области обитания карабулаков-аккинцев, что и могло привести в ряде случаев к путанице.

Не обосновано утверждение, что кабардинские поселения появились на правобережье Терека с «конца XVI века» (стр. 44). Оно находится в противоречии с материалами и выводами специальных исследований о расселении кабардинцев на восток вдоль Кавказского хребта⁶. Вообще, сложные вопросы миграций отдельных этнических групп не всегда решаются Н. Г. Волковой с учетом всех наличных данных и существующих в науке версий. Например, говоря о тенденции передвижения зайнахов в восточном направлении (стр. 143—145), о появлении с запада (из Осетии) основных фамилий джераховцев XVIII в., а также фамилии Дударовых (стр. 128—130, 143—145), автор оставляет без внимания и анализа доводы в пользу иных вариантов трактовки характера и направлений этих миграций⁷. Отождествляя «окуков» XVI—XVII вв. с ауховцами Северного Дагестана, Н. Г. Волкова не вправе игнорировать иной трактовки этнической принадлежности «окуков», известной в литературе⁸.

Не везде автор одинаково тщательно вникает в суть и содержание источников. В качестве примера можно привести страницы с системой доказательств в пользу заселения зайнахами в XVI—XVII вв. ущелья Охкарохи (современная р. Кистинка) и ухода их в ущелье Армхи не ранее «рубежа XVII—XVIII веков» (стр. 145—153). Подобная хронология не подтверждается археологическими материалами (которых много) и этнографическими данными, собранными коллегами Н. Г. Волковой⁹. Содержание же статейного списка посольства 1637 г., вопреки трактовке автора, позволяет считать, что посольство Ф. Ф. Волконского и А. И. Хватова шло к грузинскому государю от Дарьяла сквозь ущелье Армхи, а не Охкарохи (послы оставили Дарьял, не дойдя до Ларса, а местный владетель Хавса, услугами которого пользовалось посольство, был вассалом кабардинского князя, что соответствует истинному положению дел в районе Армхи, а не Гвилети, округа которой входила во владения Эристава Сонского, отказавшегося пропустить русских через свои земли).

В книге заметны случаи непоследовательности в интерпретации одних и тех же источников и отраженных в них событий (ср. мнение о «Железных воротах» и службе в них Шиха — мурзы Окуцкого на стр. 126 и 167, датировку перемещений семьи Мамилowych в ущелье Армхи на стр. 145 и 150—151 и т. д.). Обидный недостаток издания (не зависящий от автора) — крайне низкое качество воспроизведения ряда карт (стр. 254, 255, суперобложка).

Наши (и прочие возможные со стороны кавказоведов) замечания нисколько не умаляют бесспорного факта — книга Н. Г. Волковой — своевременный и очень полезный вклад в изучение Кавказа. Она не только подводит итоги долгому изучению сложной проблемы, но и открывает новые перспективы, так как воссоздание подробной этнической карты Северного Кавказа необходимо для правильного освещения всех основных сторон истории многонационального населения региона.

В. Б. Виноградов

⁴ В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, О месте первоначального расселения гребенских казаков, «Сов. этнография», 1972, № 3.

⁵ С. С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 167, 168.

⁶ Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории, «Сов. этнография», 1956, № 1; В. А. Кузнецов, Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 46; Э. В. Ртвеладзе, К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа. Тезисы докладов III Крупновских чтений, Грозный, 1973, стр. 20, 21.

⁷ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии, Грозный, 1963; «Кавказский этнографический сборник», т. II, Тбилиси, 1968.

⁸ С. Ц. Умаров, Новые археологические памятники в Чечено-Ингушетии, «Археолого-этнографический сборник», II, Грозный, 1968; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, Один из северокавказских союзников Руси, «Вопросы истории», 1971, № 10.

⁹ Л. П. Семенов, Указ. раб.; Е. И. Крупнов, Средневековая Ингушетия, М., 1971; В. П. Кобычев, Из этногенетических преданий ингушей, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», М., 1971, стр. 111—122.